

Господин

Три Первенца

18+

Русин Василий

Василий Русин

Господин

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Русин В. Л.

Господин / В. Л. Русин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Второй из "Трех Первенцев". "Господин", он делает шаги по мирам Асприна, гулким эхом рассказывая о себе и своей истории: о том, как он нашел надежду и Бога, о том, как он стал свободен и стал сам выбирать свой путь, о том, как Ночь полюбила его, и о том, как и каким он видел мир, "Господин". В оформлении обложки использована фотография с сайта ріхабау по лицензии СС0.

Предисловие автора

Здравствуй, мой дорогой читатель. Пред тобой второе мое произведение с момента, когда я вступил на путь писательства. Самым первым стало «Победа» – рассказ о том, что победа не однозначна, как бы это забавно ни звучало. О том, что принятое решение не всегда верно, а сердце не всегда зорко. Но что-то я отвлекся, прости меня за это. Все же разговор сейчас немного о другом, верно?

Итак, «Господин». Могу сказать, что это произведение – реверанс в сторону межавторского цикла «Мир Воров» Роберта Асприна. В остальном идеи, заложенные в этом рассказе, а также приемы, которые я применял, перекочевали в другие, более поздние произведения.

Так же, как и в «Победе», здесь я поднимаю тему неоднозначности добра и зла. Так же мы видим концепцию Солнца и образные сложные описания. Эти черты, характерные для меня, станут позднее одним из узнаваемых элементов моего авторского стиля.

Мрачность, жестокость повествования – это эхо Асприна, антураж – город, пусть и небольшой, ряд персонажей, на первый взгляд, не связанных друг с другом, не полностью раскрытых – все это отсылки к Асприну.

Господин

Каменное сердце

Говорят, что в пламени оживают воспоминания, – по слухам, разные, но чаще – хорошие. Для меня же в пламени оживали горечь и скорбь.

Всякий раз, когда мы возвращались из какой-нибудь переделки, мои друзья, те, кто оставался в живых, собирались вместе и решали, что делать дальше, как быть с добром. Я никогда не оставался с ними. Я уходил. Уходил навстречу ночным улицам. Тёмные мостовые, унылые подворотни и – осколками битого стекла – в маслянистых лужах блики звезд. Я шел и не видел, куда иду, никогда не задумывался об этом. По мостовой звенели мои шаги, и размеренно, в такт им, о моё бедро похлопывал меч. Он же был решающим аргументом для всякого сброда.

Как бы долго я ни бродил по дорогам и переулкам, ноги приводили меня к какому-нибудь постоялому двору или харчевне у городских ворот, где было тепло и я мог напиться. Я для себя и решил, что это сама судьба направляет меня, что-то высшее, что-то, что вне моего разума.

Я рывком открывал дверь и либо улыбался, если пахло пристойно, либо со свирепым видом занимал свободный столик, если мне что-то было не по душе. Я выбирал место в зависимости от погоды: если за окном был дождь, то к камину ближе, если же дождя не было, то садился, куда судьба укажет. Но только б не видеть огня.

Сколько было таких местечек? Со счёту сбился: худые, роскошные, неказистые, в каких бы ни был, всё одно – богато ли, бедно ли, но ход мыслей не остановить. Мой друг погиб сегодня, а его вчерашние приятели уже делят его имущество, дерут его нутро, как стая голодных псов. Если б его потроха стоили хоть каких-то денег, то и их бы вырвали, как меч из ооченевшей ладони. Только дух отошел, и все. Слёзы наворачиваются.

Мне приносили еду: ароматную ли, дрянную ли – неважно, я ждал вина. Я пил, и голос в голове становился всё тише. Всё бы хорошо, да только в каждой забегаловке находился какой-то мастак, что желал сыграть что-нибудь на своём инструменте.

Всякий раз, когда этот умелец касался пальцами струн, мелодия нотка за ноткой ложилась на моё сердце, а после теребила и за грудки трясла мою душу. Я закрывал лицо ладонями, и по ним тотчас начинали течь слёзы. В каждом звенящем звуке, будто звучащем отовсюду, я слышал смех друзей, в каждом низком – стоны и печали. Я слышал, как они кричали, когда понимали, что для них всё кончено. Музыка кружила вокруг, наполняла меня всего по самое горлышко, как кувшин с проклятым вином, и в этот миг, не в силах сдержать себя более, я рыдал, не стыдясь никого, потому что с последней оборванной ноткой к их голосам присоединился ещё один.

На смену ночи всегда приходит день. Но дню предшествует тяжелое мутное утро, – утро, когда голова будто наполнена грязной водой, и ты вынужден смотреть через эту пелену. Поверь, ничего радостного в такие моменты я не видел.

Я все решил. Я порвал с ними, ушел, не взяв ни гроша из доли добычи, и уж тем более не притронулся к той части награды, что принадлежала мёртвому другу. Я устал хоронить.

Я стоял на городской площади, вокруг копошился народ. И только такие, как я, – наёмники и искатели приключений – шли степенно, зная, что им нужно в этой жизни. Солнце припекало, и я вдохнул полной грудью. Чёрт возьми, как приятно быть свободным, идти, куда вздумается, и не зависеть ни от кого! Становилось все теплее, и мой взгляд коснулся неба. Латандер, Лорд Рассвета, Господин Полуденного Солнца. Сколько раз он взирал на меня и направлял мою руку, но почему-то не уберёг моих друзей? Почему?

Меня называли человеком без сердца, потому что я без всякой жалости и угрызений совести пытал и жестоко убивал своих врагов. Но если б я был на их месте, они поступили бы так же. Без сердца. Говорят, что и без души, потому что не раскаивался. *Каменное сердце*. Так меня прозвали. Да только так ли это? Если б не было сердца, я бы не радовался рассвету так, как сейчас, не было бы души – не рыдал бы прошлой ночью.

«Направь меня», – кажется, так я обратился к Нему тогда, по-другому я не умел. Прикрыл глаза, подставил лицо восходящим солнечным лучам. Что ж, весь мир лежал передо мной, впрочем, как и всегда.

Господин

– Да, господин, да, пропадают люди, но я не думаю, что мы своими силами не сможем положить конец этому бесчинству, – выборный глава города Тамаэля, Сэмюэль Митот, говорил уверенно, но под взглядом холодных светлых глаз невольно опустил в кресло и стал барабанить пальцами по широкому дубовому столу.

Он владел землёй, на которой располагался городской рынок, и несколькими пашнями неподалёку от Тамаэля.

– Господин, мне не терпится узнать, отчего церковь интересуется делами моего скромного города?

Холодные глаза смягчились.

– Церковь беспокоит то, господин Митот, что в вашем светлом городе по пришествии темноты пропадают бесследно люди. Да, господин Митот, бесследно. Мне известно, что ни одного тела вы так и не нашли.

– Господин, я как глава города обещаю в недельный срок покончить с этим печальным недоразумением, о чём готов предоставить вам соответствующий документ.

Сэмюэль Митот привстал и положил на стол лист бумаги. Чернила и перо будто ждали этого момента. Перо ожило в руке главы города, и слова, такие же сухие и безжизненные, как потерянные, мертвые, забытые горожане, ложились на бумагу одно за другим, мертвец за мертвецом. От скрипа пера в комнате стало неуютно – будто скрипели кости покойников, будто пропавшие цеплялись за последнюю ниточку. Перо исписало достаточно, чтобы навеки стереть их из памяти судьбы. Во сто крат тяжелее камня слово главы города на бумаге.

– Нет, господин, – собеседник встал и накрыл ладонью исписанный лист, – Не спешите, я задержусь в Тамаэле ещё на несколько дней. Перед отбытием я обязательно навещу вас и заберу бумагу.

– Хорошо, – неуверенное слово слетело с губ, – Но мне нужно знать ваше имя, чтобы внести его в документ.

– Это не столь важно, господин Митот. Тем более, что я вернусь к вам через несколько дней.

– Что ж, пусть будет так, – Митот встал и протянул ладонь в знак прощания. – До скорой встречи, господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.